

Я не зря собирал под своим крылом культовых изобретателей, инженеров и ученых. Несмотря на то, что некоторые из них обошлись мне очень даже недешево. Например, молодая компания «Интел», уже прославившаяся своим процессором 4004, который по мощности превосходил огромные ламповые компьютеры. Выкупить их и завербовать основателей стоило мне пятидесяти миллионов долларов, но, я думаю, что вскоре это окупится, как и привлечение некоторых ведущих инженеров из IBM и Altair. Я собирался отслеживать и вербовать только лучших разработчиков программного обеспечения и аппаратных компонентов. Мне не нужны были обыкновенные рабочие, которые тянут гайки, не задумываясь о том, как работает устройство в целом, как не нужны мне были и бизнесмены, так как денег я сделаю столько, сколько мне надо. В первую очередь мне нужны люди, которые знают, как и что устроено, но им не хватает инструментов для проверки теории или создания устройств. И магия даст им эти инструменты. Более того, если они смогут создать станки без капли магии, то они смогут их использовать в обычном мире. Так что, кроме щедрой оплаты с моей стороны, знаний о магии и прочих преимуществ, мотивация у них хоть куда. Да и люди эти крайне увлечены наукой. Естественно, их изобретения вряд ли запатентуешь без объяснений, но использовать то их никто не помешает. Все можно объяснить коммерческой тайной. Я же отложил пока свои наполеоновские планы и пошел... в школу. Сходил для вида на пару уроков, где под видом обучения занимался медитацией и уборкой в своем разуме — ингениум позволял влить немало информации в разум, но разбираться с нею и нарабатывать навыки приходится самому. Мне, как Мастеру ментальной магии и легилименции, с этим попроще, но и от работы это полностью не избавляет. Так что благодаря этому я смирился с потерянным на уроках временем. Просто если уж начал играть — то играть стоит до конца. После уроков я отправился в гостиную Гриффиндора, где меня в последнее время принимали очень тепло благодаря победе на Реддлом. Кроме разве что четверки мелких пакостников под названием «Мародеры», правда сейчас скорее тройки, так как Люпин все чаще проводит время в компании Лили Эванс. Иронично, что на Слизерине меня начали принимать даже лучше по той же причине. Пусть там было немало тех, чьих родственников я убил взрывом, но конкретно это вменялось в вину Малфоям. С другой же стороны, тех, чьи родители в нашем Альянсе, большинство. Да и слизеринцы признавали силу, так что лезть на меня никто не смел. Тем более после показательной разборки с теми, кто приставал к моей ученице.

— Друзья гриффиндорцы, у меня есть для вас подарки в ответ на ваше гостеприимство, — встав посреди гостиной, сказал я.

— Что за подарки? — спросил четверокурсник Проспер Барнетт.

— Иллюзионы! — будто фокусник я вытащил пять кристаллов с симуляциями на основе популярных фильмов: «Унесенные ветром», «В джазе только девушки», «Римские каникулы», «Как украсть миллион» и «Хороший, плохой, злой», а также один кристалл, содержащий отредактированную битву с Реддлом. Надо же и себя прорекламировать? — Берете в руку, касаетесь палочкой руны Зиг и отправляетесь в иллюзию. Как в кино, только будто вы в шкуре героя чувствуете то же, что и он. Использовать могут одновременно до десяти человек, и персонажей можно также выбирать либо остаться сторонним наблюдателем.

— А что такое кино? — спросила меня русоволосая девушка с пятого курса.

— Это как колдографии в газете, только маггловские и гораздо длиннее, — высказался староста, поправив очки на носу. Видимо, магглорожденный.

— Верно, — кивнул я. — Такие же кристаллы с другими сюжетами я отдал четырем другим факультетам. Так что, если надоедят эти, то обращайтесь к ним. Только учителям не говорите, а то отберут еще.

— Почему отберут? — спросила меня первокурсница со звонким голоском.

— Потому что там есть некоторые моменты... Ну, вы понимаете, поцелуи там... — я поиграл бровями, а девушки покраснели. Парни же разве что не рванули ко мне вырывать из рук кристаллы, но удержались. — Девушкам рекомендую кристалл с «Унесенными ветром». И, кстати, если во время просмотра вы выбрали какого-то персонажа, то до самого конца его сменить нельзя. Но не бойтесь, боль и прочие неприятные ощущения уменьшены в десять раз.

— Если все это правда, то огромное спасибо. Мы можем вам чем-нибудь отплатить? — спросил меня староста за всех.

— Нет, это просто подарок, — улыбнулся я и, сославшись на дела, ушел. А то, боюсь, что те парни, кто выберет «В джазе только девушки», меня потом побьют за то, что им несколько часов придется пробыть в женской одежде. С другой стороны, они же там с Мэрилин Монро поцелуются и увидят ее в нижнем белье... Как бы, наоборот, не зацеловали. Да и Одри Хепберн с Вивьен Ли те еще красотки. Отдавая иллюзии, я преследовал сразу несколько целей. Во-первых, зарабатывал уважение и авторитет, которые никогда не помешают. Во-вторых, давал рекламу, которая мне ничего не стоила. Конечно, пренебрегать рекламой в газетах я не собирался, но как говорила моя бабушка — кашу маслом не испортишь. И, наконец, в-третьих, факультеты вынуждены будут договариваться об обмене иллюзиями. Зря что ли я до этого готовил почву к их сотрудничеству, рассказывая об их положительных чертах и выгоде сотрудничества и здоровой конкуренции, а не откровенной вражды? Впрочем, дела у меня и правда были, так что я недалеко ушел от от гостиней красно-золотого факультета, постучавшись в кабинет Минервы Макгонагалл.

— Да, Владимир, заходите, — ответила мне женщина за дверью, благодаря сигнальным чарам узнав обо мне. Ну или потому что я единственный, кто по вечерам к ней заходит — она удивительно одинокая женщина. Учеников пугает ее строгость, а пообщаться с другими учителями у нее нет времени. Я вошел внутрь и увидел немного помолодевшую девушку, наконец-то выглядящую на свой возраст. Да и вместо бесформенного балахона и шляпы на ней был вполне нормальный деловой костюм. Клетчатый черно-белый пиджак, такого же цвета юбка чуть ниже колена и шляпка, которая лежала сейчас на столе. Да и на лице добавилось румянца и чуточку косметики.

— Вижу, вы все-таки последовали моему совету. Выглядите гораздо красивее, — сказал я ей, войдя и присев на свой стул рядом с нею. — Будь я постарше, я бы уже приударил за вами.

— Владимир, не говорите глупостей, — зарделась она. Ох, сколько я потратил времени и усилий, подкрепленных своей аурой, чтобы она хотя бы перестала обращаться ко мне «мистер Пирс».

— Я серьезно не понимаю, почему вы прячете такую красоту. Я жил в ковене вейл с матерью и могу уверенно сказать — вы им не уступаете.

— Даже вашей матери? — пытаюсь сдержать улыбку, спросила она.

— Ну, нет, мама это святое, — ответил я ей. — И все же, может быть попросите директора снизить вашу нагрузку? Вы же разгребаете бумаги за весь Хогвартс, единственный профессор трансфигурации, да еще и декан самого шепутного факультета. Если бы не я, вы бы тут и ночами сидели.

— Я вам благодарна, но раньше как-то справлялась, — сделав строгую мину, сказала она недовольно.

Но я-то знал, что в глубине души она со мной согласна. Просто слишком уж правильная и не хочет ругать своего начальника при мне.

— Вот именно. Как-то, — согласно кивнул я. — Можете меня выгнать, но я считаю, что Альбус Дамблдор, несмотря на все мое уважение к нему, не прав.

— И в чем же? — я мысленно возликовал. Заведи я этот разговор месяцем раньше, и меня бы выставили вон. Неделей раньше — и она перевела бы тему. Но не сейчас, после того, как я завоевал хоть какой-то лимит доверия и благодарности, а кроме того, моих намеков и статьи в «Магическом Вестнике», который якобы случайно прислали некоторым старшекурсникам. Ведь в способе распространения был один недостаток — детям «ПлейМаг» не присылали. Более того, не достигнув определенного возраста, они вместо картинок голых девушек увидят размытое пятно.

— Директор, занимая сразу три должности, наверняка считает, что и остальным это под силу. Возможно, он уверен, что вы самое доверенное и ответственное лицо, а, может быть, ему просто лень самому возиться с бумагами. Но проблема в том, что как председатель МКМ и Визенгамота, он занят всего несколько раз в месяц. Как директор он только подписывает принесенные вами бумаги. А вы вертитесь как белка в колесе, пытаетесь и уроки провести, и задания проверить, и за факультетом проследить, а еще и работу заместителя директора выполнить. Вам не кажется это нечестным? — спросил я.

— Это приятно, что вы заботитесь обо мне. Но не мне и не вам обсуждать действия великого волшебника и его занятость, — прикусила она губу. Наверняка она и сама об этом думала, но когда соберешь все вместе и услышишь эти слова от кого-то еще, более того, от ученика, то это уже немного другое.

— Я просто хочу сказать, что вы мне кажется более ответственным и достойным человеком. Вы мне напоминаете директрису Шармбатона, мадам Максим.

— Хм, кажется, я что-то слышала о ней, но до Альбиона редко доходят новости с материка, не

расскажете? — желая сменить тему, спросила она.

Но хитрость в том, что как раз к этой теме я и хотел подвести женщину. Зародить в ней мысль, что сама она справилась бы с работой директора гораздо лучше. Будущие статьи же «Магического Вестника», в которых будет освещаться деградация Хогвартса и роль во всем этом Альбуса, только укрепят ее в этом мнении. Хотя там будет обсуждаться не только Дамблдор, но и Министерство Магии, которое, видимо, слишком привыкло к отсутствию оппозиции и сильно обнаглело от безнаказанности. И ведь странное дело — какие бы войны или волнения ни были, именно Министерство отделялось всегда малой кровью.

— Олимпия Максим, полувеликан. Несмотря на толерантное отношение к представителям магических видов во Франции, им до сих пор тяжело пробиться на сколько бы то ни было важные места в Министерстве. А чтобы пост директора занимала женщина, да еще и полукровка — такого не было никогда. Так что можете себе представить, насколько ей тяжело было этого добиться. Насколько я знаю из ее биографии, она ходила за одним Мастером Чар около трех месяцев, доставая его каждый день, пока тот не сдался и не обучил ее. На каких условиях, я не знаю, но вряд ли они были такие же, как и у других магов. После с трудом полученного Мастерства, которое ей неохотно выдали раза с третьего, она устроилась работать в Шармбатон учителем. Потом пробилась до декана женского крыла, снискала безупречную репутацию, и когда встал вопрос о выборе нового директора взамен ушедшего на покой, именно на нее указал Николас Фламел, — рассказал я в общих чертах историю.

— Разве Николас Фламел управляет школой? — удивилась Минерва.

— И да, и нет. Де-юре она принадлежит Министерству Магии. Но де-факто Николас выкупил школу лет почти двести назад, когда она оказалась на грани банкротства из-за Восстания Магических Рас и Великой Буржуазной Революции, которые происходили почти в одно время. Тогда многие рода были изничтожены, включая и те, которые, по сути, и поддерживал школу на плаву. А потом, в смутное время дележки власти, мало кому до нее было дело. Фламел же предложил стать инвестором взамен на право решающего голоса в любом решении школы. Руководству ничего не оставалось, кроме как согласиться, и Николас не только вложил немало алхимического золота в школу, но и обновил комплексы чар. Правда, вместе с тем многие дисциплины он запретил как «вредные и опасные», но, учитывая его заслуги, на это никто не обратил внимания.

Раньше я сам об этом не знал, пока не дал Халу задание выяснить, с какого момента началась деградация магии. Простой ответ — с начала установления Статута Секретности в 1689 году Международной Конфедерацией Магов. На самом же деле нужно взглянуть гораздо глубже. После «черной смерти», пандемии чумы, которая по совпадению выпала на молодость Николаса Фламеля, вторая началась в 1540-х и закончилась аж в 1683 году. И вот сюрприз, в 1542 году папа римский Павел III учредил Священную Римскую и Вселенскую Инквизицию, которая начала гонения на магов. Причем не стоит думать, что безрезультатно и убивали они только простых людей. Немало магглорожденных, которых после обучения просто выбрасывали во внешний мир как ненужный мусор, а также те, кто в принципе не обучался магии, присоединялось к церкви, которая умело использовала их. Более того, у церкви было секретное оружие в виде реально существующих жрецов и паладинов, обладающих благословением своего бога. А в 1612 году случилось еще и очередное восстание гоблинов. Так что, как бы маги не пыжились, но через полтора столетия даже самые упертые поняли, что

такими темпами маги и церковь уничтожат друг друга, а заодно и полмира, так как магическое происхождение чумы было доказано, и это одна из причин создания инквизиции. После установления Статута некоторое время, а точнее почти два столетия, ничего не происходило — и маги, и церковь зализывали раны и почти забыли друг о друге. Нет, волшебники многое потеряли в войнах, но и приобрели немало, да и развитие было отчетливо видно. Но потом будто какой-то кукловод начал простираť руки все дальше и дальше, пока почти вся Европа, косвенно США и частично остальные страны мира не стали запрещать магические искусства. Точкой невозврата стали действия Гриндевальда, вынудившие ограничить изучения магии даже те государства, которые были наиболее свободны в этом плане. На этом моменте уже и у меня появились подозрения, что Гриндевальд со своими нацистскими взглядами и уничтожением в том числе чистокровных родов больше подгадил магическому миру, чем продвинул его вперед. Вместо развития он привел к еще большей деградации и изоляционизму магов. И Реддл, если бы добился успехов, довершил бы его дело. Вполне возможно, что это просто стечение обстоятельств, но и худший вариант я не отбрасывал. А он был таков, что церковь по тем или иным причинам не отказалась от уничтожения или, как минимум, ослабления своих исконных врагов, то есть магов. Связано это с эпидемиями оспы и чумы или же с действиями Гриндевальда и других темных, я не знаю. Но, как всегда, просчитываю и худшие варианты вроде геноцида магов. Причем, что иронично, в таком случае обычные люди об этом даже и не узнают — маги сами сделали все возможное, чтобы нас считали сказками и небылицами.

— Тогда я польщена тем, что вы меня сравнили с такой достойной женщиной, — улыбнулась мне Минерва после некоторых раздумий. Я же кивнул ей и продолжил заполнять бумаги. Еще одно семечко посажено, и только время покажет, взрастет оно или зачахнет. Закончив с помощью Минерве, я отправился в свою комнату и по пути услышал в нише за доспехами шуршание одежды и чье-то смущенно-сердитое шиканье:

— Тише, Ремус, нас же заметят! — слышался знакомый девичий голосок.

— Какие детишки, однако, стали в последнее время смелые, — я бы и рад не мешать влюбленным, но ближайший путь к моей комнате проходил именно через этот коридор. В нише я увидел взъерошенных подростков с припухшими губами: Римуса Люпина и Лили Эванс. — Вы бы хоть заброшенный класс какой нашли, их же полно. Или скрывающие чары выучили.

— Эмм, простите, — залилась краской и так красная как рак Лили, сравнившись цветом своего лица со своими же рыжими волосами. — Мы больше не будем!

— Что же так строго? Я же почти ваш ровесник, — хотя на их возраст и не выгляжу.
— Наоборот, только рад, что волчонок нашел себе волчицу.

— Я уже не волчонок! — высказал мне набравшийся смелости и побледневший Люпин, который до этого ловко меня избегал.

— Да-да, вы главное щенят не наделайте в школе, — засмеялся я и пошел дальше, слушая быстро удаляющиеся шаги за спиной. Эх, молодость, когда-то сам таким был. Правда моя первая любовь была крайне неудачной, но все же это было замечательное время открытий и

ошибок. Второе детство пережить просто невозможно, даже несмотря на то, что я живу вторую жизнь. То наивное мировоззрение счастливого ребенка или максималистичное подростка уже не вернуть, даже магия бессильна повернуть время вспять. В комнате, как всегда, было пусто, вся моя жизнь была в Авейлоне, куда я сразу же и аппарировал порт-ключом в перстне.

<http://tl.rulate.ru/book/46466/1107408>